

сваливалась как снег на голову читателя XII—XIII вв. с чуждых ему высот церковного аскетизма: она могла найти у него почву, подготовленную и бытовыми условиями для живого ее восприятия. Что было в ней текстуально „заимствовано“, что „оригинально“ не имеет никакого отношения к вопросу о том, была ли она жизненна для XII—XIII вв.»³¹

Именно жизнь «какая она есть», широко влившись в содержание «Моления»,³² дала материал для сатирических элементов его — для построения неожиданных, но метких уничижительных сравнений, основанных на сугубо обыденных образах.³³ «Моление» Даниила Заточника в своей образной системе вообще, по наблюдениям Д. С. Лихачева, «больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII веков, опирается на явления русского быта».³⁴ Реалистическая тенденция Моления нашла особо яркое воплощение именно в его образности: «Бытовые черты выхвачены автором „Моления“ из жизни не в порядке повествования (в этом случае летопись представила бы еще больше материалов из области русской жизни), а для построения сравнений, метафор, отдельных образов. Русский быт, при этом самый обыденный, проникает в поэтическую систему»,³⁵ — справедливо отмечает Д. С. Лихачев. Эти отражения в «Молении» русского быта ценны для истории литературы не как «реалии» сами по себе, а как средства художественной системы, ведущие к познанию действительности через искусство слова.

Итак, тема и приемы ее художественного раскрытия — жизненно правдивы; способ изображения этого участка жизни «какая она есть» выходит в «Молении» за рамки описанного И. П. Ереминым. Наблюдения над жизнью представителей господствующего класса привели автора «Моления» к горьким обобщениям, которые он выразил в своеобразной афористической форме. Эти психологические обобщения — художественное средство познания действительности. Исследователь культурно-исторического смысла этого памятника Б. А. Романов имел основание дать ему следующую характеристику: «...получилось... на небольшом полотне нечто вроде панорамы общественной жизни и быта эпохи».³⁶

4

Особо следует остановиться на вопросе о том, как проявляются реалистические тенденции древнерусской литературы в тех ее памятниках, которые испытали на себе воздействие устной народной поэзии. Этот вопрос неизбежно связывается с общей проблемой художественного метода русского фольклора, в частности со спором о том, существовал ли в народной поэзии реализм и если существовал, то каково было его отношение к реализму литературы XIX в. В современной фольклористике нет единой точки зрения, решающей этот спор. Достаточно сопоставить последние высказывания в печати по этому вопросу, датированные концом 1958 г. и представ-

³¹ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 38—45.

³² Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. — ИОРЯС, т. XIII. СПб., 1908, кн. 1, стр. 352—354.

³³ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. Изд. АН СССР. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 145.

³⁴ Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 109.

³⁵ Там же, стр. 110.

³⁶ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 45.